

полития

А.И.Шаблинский

О ДОВЕРИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ

ПОЧЕМУ ЖАН-ЖАК РУССО

СОГЛАСИЛСЯ НА ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЕ ПРАВЛЕНИЕ,

или КАК ОБЩАЯ ВОЛЯ УСТУПИЛА ФЕДЕРАЛИЗМУ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90101.

Антон Ильич Шаблинский — аспирант Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», стажер-исследователь Института институциональных исследований НИУ ВШЭ. Для связи с автором: ogoshebek@gmail.com.

Аннотация. Проблема доверия представителям относится к числу наиболее сложных проблем, с которыми сталкиваются представительные демократии. Особенно остро она встает при рассмотрении технически и политически сложных законопроектов, когда затронуты большое число групп интересов и/или обсуждаются вопросы, требующие специальных знаний. В таких ситуациях граждане не проявляют особой склонности участвовать в коллективном принятии решений, стремясь передоверить исследование всех аспектов дела партиям, некоммерческим организациям и другим агентам репрезентации, но вместе с тем испытывают к этим агентам, как и к законодательным органам власти, меньше доверия, чем обычно.

В статье предпринята попытка показать, что решение проблемы доверия представителям следует искать в пространстве теорий федерализма. В частности, автор обращается к концепции федерализма, сформулированной Жан-Жаком Руссо в «Соображениях об образе правления в Польше». Проведенный им анализ демонстрирует, что Руссо, которого принято считать бескомпромиссным критиком представительной демократии, в принципе допускает совместимость народного правления с политической репрезентацией при условии добавления к ним третьего элемента — федерализма. Согласно Руссо, о народном правлении можно вести речь исключительно в ситуации, когда граждане сами являются авторами законов, которым подчиняются, что возможно и при политической репрезентации — но только в том случае, если полномочия народных представителей задаются наказами избирателей и народные представители проявляют готовность следовать этим наказам. Федерализм обеспечивает как то, так и другое. По заключению автора, описанная в «Соображениях об образе правления в Польше» модель федеративного устройства, предусматривающая механизмы, обеспечивающие как согласование интересов представляемых и представителей,

так и компетентность последних, создает условия для установления доверия между представителями и представляемыми.

Ключевые слова: политическое представительство, федерализм, федеративное государство, доверие, демократия, Польша, Жан-Жак Руссо

Введение

² Mackenzie and Warren 2012.

Майкл Макензи и Марк Уоррен пишут, что доверие граждан к представителям возможно при двух условиях — согласованности интересов представителей и «доверителей» (граждан) и способности представителей компетентно действовать в интересах «доверителей»². По их заключению, вопрос о доверии членам законодательных органов особенно остро стоит при рассмотрении технически и политически сложных законопроектов, когда затронуты большое число групп интересов и/или обсуждаются сюжеты, требующие специальных знаний. В таких ситуациях граждане не проявляют особой склонности к участию в коллективном принятии решений, стремясь передоверить исследование всех аспектов дела партиям, некоммерческим организациям и другим агентам репрезентации, но вместе с тем испытывают к этим агентам, как и к законодательным органам власти, меньше доверия, чем обычно.

В настоящей статье мы попытаемся показать, что решение проблемы доверия представителям следует искать в пространстве теорий федерализма. Понятие «федерализм» находится сегодня в центре нескольких теоретических дискуссий. Одни авторы трактуют федерализм как анти-тезу суверенитету и иерархичному, централизованному государству³. Некоторые из них, вдохновляясь опытом Лиги наций, концентрируют внимание на отходе от принципа национального суверенитета в международном праве⁴, других интересует прежде всего природа Европейского союза⁵. Ключевые задачи, которые ставят перед собой приверженцы данной традиции, — обоснование возможности и оправданности наднациональных союзов государств⁶, выработка новых подходов к политической солидарности в подобного рода образованиях⁷, примирение концепции суверенитета с идеей федеративного союза государств⁸.

Но существует и иной взгляд на федерализм, когда федерация рассматривается как форма национального государства, противостоящая, с одной стороны, унитарному государству, а с другой — конфедерации⁹. Применительно к сформулированной выше проблеме доверия мы будем опираться именно на эту традицию, поскольку в ее рамках поднимаются вопросы не только о различиях между федеративным и унитарным государством или об эффективности федерализма как инструмента защиты культурных и национальных меньшинств, но и о влиянии федерализма на работу демократических институтов¹⁰.

В «Соображениях об образе правления в Польше» Жан-Жак Руссо, один из первых авторов, писавших о федерализме как о форме национального государства, пытается показать, что народное правление и политическая репрезентация совместимы, только если к ним добавлен

³ Forsyth 1981; Elazar 1987; Arendt 1990; Schmitt 2003; Beaud 2007.

⁴ Schmitt 2003.

⁵ Forsyth 1981.

⁶ Forsyth 1981; Beaud 2007.

⁷ Habermas 2001.

⁸ Cohen 2012.

⁹ Kelsen 1945; Riker 1964; Jellinek 1882; Dahl 1983; Norman 2006.

¹⁰ См., напр. Riker 1964; Dahl 1983; Hueglin 1999; Norman 2006; Cohen 2012.

третий элемент — федерализм. По его мнению, о народном правлении можно вести речь исключительно в ситуации, когда граждане сами являются авторами законов, которым подчиняются¹¹, что возможно и при политической репрезентации — но лишь в том случае, если полномочия народных представителей задаются наказами избирателей и народные представители проявляют готовность следовать этим наказам. Федерализм обеспечивает как то, так и другое. В контексте обозначенной выше исследовательской задачи нас в первую очередь будет интересовать, почему при федеративном устройстве члены представительного органа будут склонны соблюдать наказания избирателей.

В первой части статьи мы продемонстрируем, что Руссо, которого принято считать бескомпромиссным критиком политической репрезентации, в «Соображениях об образе правления в Польше» изменил свою позицию. Далее мы остановимся на политических языках, используемых Руссо, и проанализируем связь между сменой его взглядов на репрезентацию и отказом от одного из этих языков. Наконец, мы покажем, что Руссо видел в федерализме одно из необходимых условий совместимости политической репрезентации с народным правлением, и рассмотрим его объяснение того, как и почему федеративное устройство потенциально способно решить проблему доверия между избирателями и их представителями.

**Незамеченный
аргумент Руссо
против
представительного
правления**

Как убедительно показывает Робин Дуглас, критика Руссо политической репрезентации была направлена одновременно и против гоббсовской концепции суверена, частично перешедшей в работы Самуэля Пуфендорфа и Жан-Жака Бурламака, и против Женевского патрициата, который с опорой на эти работы обосновывал свои притязания на власть¹².

Согласно Гоббсу, множество конституирует себя как народ, учреджая суверена в качестве своего представителя. В акте учреждения участвует каждый член множества. Суверен — искусственное образование, и им может стать как коллективный орган, так и монарх¹³. Отсюда вытекает, что у народа нет никаких прав в отношении суверена и тот представляет волю народа, даже если в роли суверена выступает монарх, а не парламент. Не во всем соглашаясь с Гоббсом, Пуфендорф противопоставлял его концепции концепцию двух договоров и постановления. С его точки зрения, учреждению суверена предшествует соглашение между будущими гражданами о взаимной защите, за которым следует постановление, принятое объединенными этим соглашением людьми (Пуфендорф обозначал их термином *coetus*) путем голосования по правилам абсолютного большинства, о форме образуемого союза (монархия, аристократия или демократия)¹⁴. И только после этого посредством второго соглашения (договора) создается носитель суверенитета, которому каждый обязан подчиняться. То есть, хотя Пуфендорф и говорил об отдельном соглашении, объединяющем людей до создания суверена, он, как и Гоббс, исходил из того, что народ не

¹² Douglass 2013: 737—739. Трактует таким образом позицию Руссо, Дуглас соединяет аргументы сразу двух интерпретаторских традиций, одна из которых делает упор на полемику Руссо с теориями естественного права (см., напр. Derathé 1950), а вторая ставит во главу угла политический контекст Женевы середины XVIII в. (см., напр. Rosenblatt 1997).

¹³ Hobbes 1994: 109.

¹⁴ Pufendorf 1994: 212.

имеет права противиться указаниям суверена. Эту позицию разделял и Бурламак, особо подчеркивавший, что после передачи суверенитета группе правителей народ, изначально бывший его носителем, не может более претендовать на него¹⁵. Именно эти аргументы и задействовал Женевский патрициат, чтобы объявить себя носителем суверенитета и обосновать неправомерность притязаний на него народа Женевы. Таким образом, выступая против установок Женевского патрициата, Руссо выступал в первую очередь против концепции суверенитета, изложенной в работах Гоббса, Пуфендорфа и Бурламака.

Задачу опровержения этой концепции, как демонстрирует Дуглас, Руссо решает в несколько этапов. Прежде всего он переосмысливает концепцию общественного договора, указывая, что тот конституирует народ, обладающий общей волей. Никаких иных договоров в основе политической общности быть не может. При этом образовавшийся народ описывается им как коллективная личность, что означает наличие у него, как и у индивидуальной личности, физического и морального аспекта. В случае индивидуальной личности моральный аспект составляет свободная воля, в случае народа — общая воля. Но раз так, то народ не может передать ее кому бы то ни было (включая представительный орган), не перестав быть народом, как индивид не может передать кому-либо свою свободную волю, не перестав быть моральным существом. При передаче общей воли народ теряет коллективную свободу, как индивид при отчуждении собственной воли теряет свободу личную. По мнению Дугласа, именно этот аргумент и позволял Руссо критиковать концепции суверенитета Гоббса, Пуфендорфа и Бурламака, а также позицию Женевского патрициата как игнорирующие важность коллективной свободы народа¹⁶.

Вместе с тем в трактате «Об общественном договоре» Руссо, на наш взгляд, начинает формулировать (пусть пока и не очень последовательно) еще один аргумент против представительного правления. Попробуем обозначить его. Известную главу «О том, что суверенитет неотчуждаем» открывает абзац о важности коллективного правления в соответствии с общим интересом. Такое правление, полагает Руссо, способна осуществлять только общая воля¹⁷. Во втором абзаце он на время оставляет это рассуждение и постулирует, что суверенитет неотчуждаем и «передаваться может власть, но никак не воля»¹⁸, а затем (в третьем абзаце) приступает к обоснованию этого тезиса. Хотя частная воля в каком-то пункте может совпасть с общей, доказывает он, согласие между ними не является истинным. Во-первых, оно не длится долго, поскольку частная воля стремится к преимуществам, а общая — к равенству. Если мы обратимся к первому абзацу главы, то увидим, что стремление общей воли к равенству означает в первую очередь стремление к общему благу, а стремление частной воли к преимуществам — стремление к частной выгоде. Во-вторых, даже когда частная воля согласуется с общей, у этого согласия не может быть необходимых для его поддержания гарантий. Общая воля не может

¹⁵ *Douglass 2013: 738—739.*

¹⁶ *Ibid.: 739—740.*

¹⁷ *Russo 1998b: 216.*

¹⁸ *Там же.*

¹⁹ Там же: 216—217.

взять на себя обязательство и впредь иметь ту же направленность, что и частная воля, ибо это приведет к уничтожению свободы коллективной личности¹⁹. Бросается, однако, в глаза, что здесь Руссо незаметно меняет параметры опровергаемого допущения. Ведь он постулирует ситуацию, при которой частная воля (воля представителей) подстроилась под общую, и далее разбирает, почему представители могут перестать действовать сообразно общей воле. Соответственно, и гарантии согласованности частной и общей воли должны требоваться *от* представителей, а не народа. Руссо же говорит о невозможности гарантий со стороны народа *перед* представителями. Это позволяет ему уйти от исходного рассуждения о следовании представителей общей воле. В итоге, начиная критику репрезентации в рамках одной проблематики (проблема готовности представителей следовать общей воле), Руссо обрывает это рассуждение аргументом, связанным с другой проблематикой (проблема сохранения коллективной свободы народа, если он следует воле представителей).

²⁰ Там же: 279—280.

Схожую двойственность мы наблюдаем в главе «О депутатах или представителях». Глава начинается с абзаца, в котором Руссо сетует на склонность граждан забывать о своем «главном деле» — «служении обществу». Это приводит к разрушению государства: у граждан появляются наемные войска, «чтобы служить отечеству», и представители, «чтобы его [отечество] продавать»²⁰. В следующих двух абзацах Руссо критикует алчность и поглощенность граждан своими личными интересами, в четвертом анализирует причины возникновения представительного правления, среди которых сперва упоминаются «охлаждение любви к отечеству» и «непрерывное действие частных интересов» и лишь потом — «огромность Государств» и «завоевания»²¹. Этот анализ позволяет лучше понять тезис из первого абзаца о продажных представителях. Во-первых, сам институт представительства порожден угасанием «любви к отечеству» и к общему благу. Во-вторых, представители не могут быть непродажными там, где алчность и корыстный интерес заставили людей забыть об общем благе. Вместе с тем в пятом абзаце Руссо обрывает эту нить рассуждений и возвращается к проблеме отчуждения общей воли и тому, что последнее имеет место, если существует представительный орган власти²². Оставшуюся часть главы Руссо иллюстрирует этот тезис примерами из истории Рима и Спарты. Иными словами, в начале главы Руссо критикует представительное правление как институт, который появляется, когда граждане забывают об общем благе, и квалифицирует представителей как продажных корыстолюбцев, но затем делает разворот и снова обращается к вопросу о неотчуждаемости общей воли.

²¹ Там же: 280.

²² Там же: 281.

Таким образом, в главах «О том, что суверенитет неотчуждаем» и «О депутатах или представителях» Руссо не только критикует систему представительства с позиций неотчуждаемости суверенитета, но и вводит дополнительный аргумент против нее, указывая на склонность представителей предпочитать частное благо общему. Проблема, однако,

в том, что этот второй аргумент подразумевает принципиальную возможность репрезентации — необходимо лишь убедиться в добродетельности представителей, тогда как первый свидетельствует о ее принципиальной невозможности. Попробуем разобраться, почему в трактате «Об общественном договоре» одновременно появляются два противоположных аргумента против репрезентации (пусть даже один из них не сформулирован явно), а в более позднем трактате «Соображения об образе правления в Польше» Руссо почти не говорит о неотчуждаемости суверенитета в контексте критики репрезентации.

**О двух
политических
языках
и коррупции**

Патрик Райли четко сформулировал один из самых известных парадоксов мысли Руссо. С одной стороны, опираясь на контракталистскую традицию, «гражданин Женевы» предложил собственную трактовку общественного договора, призванную обосновать возникновение у людей политических обязательств. С другой стороны, он видел идеал общественного устройства в античном полисе, где в принципе не стояло проблемы политического обязательства, поскольку частные интересы граждан там изначально рассматривались как подчиненные общему интересу²³. По мнению Райли, противоречивость предложенной Руссо концепции общей воли обусловлена тем, что в трактате «Об общественном договоре» он попытался доказать легитимность античного полиса через теорию общественного договора.

²³ Riley 1970: 87.

Во многом повторяя доводы Райли, Маурицио Вироли и Кит Бейкер вместе с тем дополняют его объяснение²⁴. С их точки зрения, в трактате «Об общественном договоре» Руссо использовал два разных политических языка для решения двух разных задач: при обосновании легитимности республиканского устройства он задействовал язык теорий естественного права, а при ответе на вопрос о путях сохранения политической общности — язык теорий классического республиканизма²⁵. Базируясь на теории общественного договора, Руссо говорил об общей воле как об абстрактной сущности, возникающей после добровольного вступления индивидов в общественный договор. Эта концепция *абстрактной* общей воли, основанная на аналогии с волей индивидуальной личности, позволяла ему аргументировать право народа на непосредственное участие в принятии законов. Когда же шла речь о проблеме сохранения политической общности, он рассматривал общую волю как результат самоотжествления граждан с политической общностью²⁶. Более того, как демонстрирует Дан Эдельштейн, понятие общей воли фактически сливалось в этом трактате с понятием гражданской добродетели²⁷.

²⁴ Viroli 1988; Baker 2001.

²⁵ Viroli 1988: 13; Baker 2001: 41—42.

²⁶ Baker 2001: 42.

²⁷ Edelstein 2009: 80—81.

На наш взгляд, наблюдение Вироли и Бейкера объясняет и появление двух противоположных подходов Руссо к критике политической репрезентации. Один из них, отрицающий всякую возможность репрезентации, хорошо согласуется с концепцией абстрактной общей воли, возникающей в результате заключения общественного договора

и разрушающейся в случае появления представителей. Другой, допускающий возможность представительства, но обращающий внимание на своекорыстие представителей, больше связан с республиканской проблемой гражданской добродетели. Кроме того, это наблюдение позволяет по-новому взглянуть на аргумент против представительного правления, сформулированный Руссо в более позднем его трактате — «Соображениях об образе правления в Польше».

В этой работе мы уже не найдем той парадоксальности, о которой пишут Райли, Вироли и Бейкер. Руссо в ней перестает использовать язык естественного права и не прибегает к конструкции общественного договора. Его больше не беспокоит проблема политического обязательства. Мало того, в тексте «Соображений» лишь один раз встречается термин «общая воля». Общая воля как свойство абстрактного коллективного лица — политического сообщества — почти не фигурирует на страницах трактата. Единственный (хотя и весьма важный) тезис, в рамках которого обсуждается понята́я таким образом общая воля, касается законов, чье содержание должно отражать общую волю²⁸. На первый же план выходит чувство патриотизма, которое, как показывают Лео Штраус и Уилмор Кендал, приравнивается к гражданской добродетели²⁹. Если в трактате «Об общественном договоре» концепция общей воли включала как абстрактное коллективное лицо, носителя суверенитета, так и чувство принадлежности к сообществу, возникающее у каждого индивида, то в «Соображениях» это чувство описывается в терминах добродетели и патриотизма. Эти изменения указывают на то, что, уходя от языка естественного права, Руссо задействует в данной работе в первую очередь язык теорий классического республиканизма.

Подобный поворот, с нашей точки зрения, объясняется самой направленностью рассматриваемого текста. Его цель — не обосновать справедливость республиканского устройства, а найти ответ на вопрос: как Польше сохранить такое устройство, то есть усилить влияние законов, не потеряв при этом свободу?³⁰ Другими словами, главный вопрос текста связан с поддержанием политического сообщества, i.e. относится к той категории вопросов, при обсуждении которых Руссо прибегал к языку теорий классического республиканизма. В «Соображениях» Руссо исходит из того, что в Польше уже есть базовые элементы республиканского устройства, важнейшим из которых является любовь к отечеству, или гражданская добродетель. Теперь надо, чтобы патриотизм польской знати разделяли все граждане Польши³¹. Это и будет решением проблемы сохранения республики. Основным препятствием на этом пути, согласно Руссо, выступает коррупция. Противопоставление республики и добродетели коррупции — характерная черта языка теорий классического республиканизма³², что еще раз указывает на то, что именно этот язык и использован в «Соображениях».

Смена политического языка влечет за собой пересмотр проблем, с которыми работает Руссо. С введением оппозиции «республика, добродетель — коррупция» меняется и формулировка проблемы политического

²⁸ Rousseau 1782: 461. В дальнейшем мы будем цитировать этот текст Руссо по русскоязычному изданию в переводе Сергея Занина (Руссо 2013), обращаясь к оригиналу лишь в тех случаях, когда русский перевод не передает важных для нас нюансов.

²⁹ Strauss 1947: 458; Kendal 1972: xxx.

³⁰ Руссо 2013: 499—500.

³¹ Там же: 500.

³² Росоцк 1975.

³³ Rousseau 1782: 454.

³⁴ См., напр. фрагмент, в котором Руссо призывает избавиться от чрезмерного имущественного неравенства, поскольку оно является одной из основных причин коррупции как падения нравов. В оригинале Руссо пишет: «Grand moyen de corruption qu'il faut affaiblir autant qu'il est possible» (Ibid.: 434). В русском переводе понятие «corruption» передается словосочетанием «испортить нравы», что довольно точно отражает суть высказывания: «Это могущественное средство испортить нравы, которое нужно ослабить насколько это возможно» (Руссо 2013: 509).

³⁵ Руссо 1998а: 33—36.

³⁶ Rousseau 1782: 454. К сожалению, в русскоязычном варианте «коррупция» трансформировалась в «подкуп»: «Я вижу два способа предотвратить подкуп — это ужасное зло, которое превращает носителя свободы в орудие ее уничтожения» (Руссо 2013: 523). Такой перевод не позволяет увидеть, что Руссо пытается сказать о длительных отношениях зависимости, которые могут установиться между парламентом и другими политическими институтами.

³⁷ Руссо 1969.

³⁸ Росоцк 1975: 405.

³⁹ Ibid.: 209—210.

⁴⁰ Ibid.: 406.

представительства. Критика политической репрезентации за отчуждение общей воли как абстрактной воли всего сообщества сходит на нет, и в качестве главного недостатка представительного правления теперь фигурирует коррупция представителей — «ужасное зло, которое превращает орган свободы в инструмент рабства»³³.

На наш взгляд, термин «коррупция» употребляется в «Соображениях» в двояком смысле. С одной стороны, этим словом обозначается искажение гражданской добродетели, когда жители республики стремятся удовлетворить личный интерес, пренебрегая интересом общим³⁴. Такое понимание коррупции во многом идентично тому, что мы видим в «Рассуждениях о науках и искусствах», где Руссо противопоставляет «коррупции» (падению) нравов в современных ему обществах античную добродетель³⁵. Но в тексте, посвященном Польше, коррупция предстает и как разновидность отношений доминирования, основанных на имущественном неравенстве. Речь идет прежде всего о фрагменте, в котором Руссо предлагает два средства против коррупции в парламенте, превращающей его в инструмент рабства: «Je vois deux moyens de prévenir ce mal terrible de la corruption, qui de l'organe de la liberté fait l'instrument de la servitude»³⁶. О правомерности такой трактовки свидетельствует концепция доминирования, изложенная в трактате Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми»³⁷. На то же указывает и структурное сходство рассматриваемого аргумента против коррупции с тем, что использовался в работах английских гражданских гуманистов конца XVII в.

Как показывает Джон Покок, начиная с работ Никколо Макиавелли, коррупция стала выдвигаться на роль основного врага республики и добродетели, замещая собой судьбу³⁸. В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» Макиавелли, с одной стороны, характеризовал коррупцию как падение нравов, обусловленное изменением римских обычаев, но, с другой, связывал ее с увеличением числа граждан, лишенных экономической независимости. Последнее обычно влекло за собой появление могущественных землевладельцев, которые постепенно подчиняли себе свободных граждан республики³⁹, что означало перенесение частных отношений в сферу отношений между гражданами по поводу «общего дела».

Переосмысление коррупции продолжили английские гражданские гуманисты, такие как первый граф Шефтсбери (Энтони Эшли-Купер) и несколько близких к нему авторов, а также Эндрю Марвелл и Генри Невилл. В конце XVII в. ими был написан ряд текстов, где члены королевского двора обвинялись в попытках повлиять на депутатов Палаты общин посредством патронажа⁴⁰. Патронаж определялся в этих текстах как коррупция не только потому, что был сопряжен с подкупом, но и потому, что подразумевал перенесение частных отношений в сферу отношений по поводу «общего дела». Коррупция понималась не как единовременный акт получения взятки, но как длительные отношения зависимости, которые возникали, если двор гарантировал депутату пенсию или привлекательное место на королевской службе. По мнению графа

Шефтсбери, единственным способом избавиться от подобного рода коррупции было проведение парламентских выборов хотя бы раз в три года (а еще лучше — ежегодно), что помогло бы избежать возникновения отношений зависимости между депутатами и королевским двором⁴¹.

⁴¹ *Ibid.*: 407.

Глава «Способы сделать устойчивым государственный строй» «Соображений» начинается с замечания о том, что польская республика сохранилась в том числе благодаря частым заседаниям парламента и частому обновлению корпуса нунциев (депутатов)⁴². По мнению Руссо, Великобритания потеряла свою свободу потому, что парламент в ней обновляется лишь раз в семь лет, что позволяет королевскому двору «купить» всех народных представителей. Когда в той же главе Руссо переходит к обсуждению самого принципа представительного правления, его главным недостатком он называет подверженность парламента коррупции. «Представителей сложно одурачить, но легко подкупить, — замечает он, — и редко бывает, чтобы они не оказались подкуплены»⁴³. В этих рассуждениях очевидно влияние гражданских гуманистов XVII в. Вместе с тем, критикуя коррупцию, Руссо развивает свой аргумент против доминирования, выдвинутый еще в «Рассуждениях о происхождении и основаниях неравенства между людьми».

⁴² *Russo 2013*: 520.

⁴³ *Там же*: 523.

Как справедливо отмечает Фредерик Нойхаузер, в этом трактате Руссо выделяет три составляющие отношений доминирования — наличие у человека определенной потребности; его зависимость в удовлетворении этой потребности от других людей; социальное неравенство между человеком и теми, от кого зависит удовлетворение его потребности⁴⁴. Короче говоря, доминирование предполагает добровольное подчинение одних граждан другим, которое происходит, однако, под давлением внешних обстоятельств — социального неравенства. Возвращаясь к «Соображениям», можно увидеть, как эти три условия доминирования проявляются в случае с парламентариями. Как и у остальных граждан, у парламентариев есть потребность в удовлетворении базовых физических нужд, а также в признании. Парламентарии зависят от иных политических институтов и/или групп, которые могут предоставить им постоянный доход, покрывающий не только их базовые физические нужды, но и потребность в признании. Эти политические институты и группы существенно превосходят парламентариев в имущественном плане. В данной ситуации больший срок полномочий парламентариев повышает вероятность того, что они попадут под контроль со стороны иных политических институтов или частных групп. На наш взгляд, именно это и подразумевает Руссо, когда говорит, что «представителей... легко подкупить», и в качестве решения проблемы предлагает ротацию.

⁴⁴ *Neuhouser 2011*: 486.

Таким образом, Руссо оказывается в ряду авторов, рассматривающих коррупцию как доминирование над парламентариями иных политических институтов и частных групп, причем доминирование долговременное и основанное на экономической зависимости. Это заключение позволяет нам обратиться к вопросу о том, как федерализм, в глазах Руссо, мог предотвратить коррупцию парламента.

Федерализм и коррупция

⁴⁵ Руссо 2013: 516.

⁴⁶ На наш взгляд, это следует из фрагмента, где Руссо говорит о том, что депутат должен представлять волю своих избирателей: «D'ailleurs, pourvu qu'un Nonce ne fasse rien de contraire à l'expresse volonté de ses constituants, ils ne lui feraient pas un crime d'avoir opiné en bon citoyen sur une matière qu'ils n'auraient pas prévue, & sur laquelle ils n'auraient rien déterminé» (Rousseau 1782: 456). Очевидно, что жители воеводства здесь трактуются как носители его воли. Кроме того, Руссо пишет, что закон есть отражение «воли наций», явно имея в виду волю воеводства: «La Loi ne soit jamais que l'expression réelle des volontés de la nation» (Ibidem). К сожалению, в переводе Занина акцент Руссо на множественности воли исчезает: «...закон станет ничем иным как выражением воли нации» (Руссо 2013: 525).

⁴⁷ Rousseau 1782: 456.

⁴⁸ Руссо 2013: 516.

⁴⁹ Там же: 525.

⁵⁰ См., напр. Urbinati 2012: 654.

⁵¹ Руссо 2013: 523.

Руссо предлагает организовать во всех воеводствах Польши правительственные учреждения и преобразовать существующие собрания знати (сеймики) так, чтобы в каждом воеводстве был только один сеймик, который и станет его законодательным органом⁴⁵. Поскольку у всякого воеводства есть своя воля⁴⁶ (в основе которой лежит устойчивая общность интересов, связывающая его жителей), у него должен быть и собственный сеймик.

NB! Конечно, здесь можно поймать Руссо на противоречии, ибо как наличие таких волей может сочетаться с постулируемой им абстрактной общей волей, присущей государству в целом? Но, во-первых, Руссо, похоже, осведомлен об этом противоречии — не случайно он несколько раз подчеркивает, что закон есть отражение «воли наций»⁴⁷, пренебрегая термином «общая воля». Во-вторых, как было показано выше, общая воля в том смысле, в каком она фигурирует в трактате «Об общественном договоре», не является в «Соображениях» главной ставкой автора.

Подобная конструкция, полагает Руссо, позволит привнести в большую страну «строгое управление малых республик», сохранив при этом общее законодательство⁴⁸. В то же время институты федерализма должны играть ключевую роль в контроле над парламентом (сеймом). По мнению Руссо, сейм следует формировать из представителей воеводств, причем каждый такой представитель (нунций) в своей деятельности должен руководствоваться инструкцией, полученной от сеймика своего воеводства и отражающей волю его жителей⁴⁹.

Некоторые исследователи связывают эту схему в первую очередь со стремлением Руссо обеспечить реализацию принципа неотчуждаемости общей воли, фокусируя внимание на том, что при строгом соблюдении нунциями выданных им инструкций они фактически не принимают самостоятельных решений, а лишь исполняют волю народа⁵⁰. Но хотя Руссо и в самом деле всячески подчеркивает, что депутат должен выражать волю жителей воеводства, его больше интересуют условия, при которых нунции будут склонны действовать в соответствии с этой волей. Важнейшее из таких условий он видит в искоренении коррупции, обеспечить которое и призваны институты федерализма в связи с особым рода системой рангов, описанной в 13 главе «Соображений». Но прежде чем переходить к рассмотрению предлагаемого Руссо механизма преодоления коррупции, сделаем небольшое отступление, чтобы объяснить нашу интерпретацию.

«...Я готов держать пари со всем миром, — заявляет Руссо в «Соображениях», — что лица более прозорливы в сейме и более добродетельны в сеймиках»⁵¹. Иными словами, он упрекает членов общепольского парламента в отсутствии добродетели. Напомним, что в этом тексте под гражданской добродетелью Руссо понимает патриотизм, любовь к отечеству. Отсутствие патриотизма у парламентариев волнует его

потому, что это оказывается одной из причин их подверженности коррупции. Как отмечалось выше, доминирование над парламентариями других политических институтов или частных групп обусловлено потребностью парламентариев в удовлетворении базовых физических нужд и признании, их зависимостью от политических институтов или групп граждан, которые могут предоставить им доход, покрывающий физические нужды и потребность в признании, и значительным имущественным превосходством таких институтов и групп над парламентариями. В условиях, когда парламентарии лишены добродетели, они будут склонны удовлетворять потребность в признании не за счет своих заслуг перед государством, а иным способом. Как подчеркивает Руссо, в обществе, где угасла любовь к отчеству и существует серьезное экономическое неравенство, мерилom общественного признания становится роскошь⁵². Соответственно, у парламентариев возникает соблазн реализовать свою потребность в признании путем наращивания личных состояний. Это порождает зависимость народных представителей от политических институтов или групп граждан, готовых обеспечить им щедрое вознаграждение, чтобы в итоге подчинить их себе.

⁵² Там же: 509.

Потребность в признании, базирующуюся на себялюбии (*amour-propre*), невозможно искоренить, считает Руссо. Однако ее можно реструктурировать и перенаправить таким образом, чтобы она не приводила к ситуации доминирования⁵³. Для этого необходимо прежде всего сократить экономическое неравенство между разными слоями населения, дабы ослабить стремление к роскоши. Но этого недостаточно⁵⁴. Одновременно надо перенаправить страсть к признанию на «более достойные объекты»⁵⁵. На решение этой задачи и была нацелена разработанная Руссо схема продвижения по государственной службе, предусматривавшая поощрение граждан за достойное исполнение служебных обязанностей знаками отличия и возможностью занять более высокую должность. В основе этой схемы лежала лестница рангов, включавшая в себя три ступени: слуга государства, избранный гражданин и страж законов. Каждый из рангов открывал доступ к конкретным должностям⁵⁶.

⁵³ *Neuhouser 2011*: 487—488.

⁵⁴ *Руссо 2013*: 509.

⁵⁵ Там же: 552.

⁵⁶ Там же: 566—570.

Особого внимания заслуживает связь упомянутой схемы с федеративным устройством. Первый ранг, позволявший претендовать на место в парламенте (сейме), человек мог получить только от сеймика своего воеводства, предварительно проработав три года в суде, адвокатуре или ряде других учреждений, которые должны были дать ему соответствующую рекомендацию, подтвержденную, в свою очередь, общественным мнением (к сожалению, формы такого подтверждения Руссо не уточнил). Именно из лиц, удостоенных этого ранга, и выбирался (на сеймике) представитель воеводства в сейме⁵⁷. Иными словами, процесс отбора депутатов превращался в длительную коллективную процедуру оценки, в которой участвовали жители воеводства. И хотя Руссо не говорит об этом прямо, из его аргумента вытекает, что он видел в такой процедуре способ отобрать того, кто мог бы наиболее компетентно представлять интерес воеводства.

⁵⁷ Там же: 566—567.

Будучи представителем воеводства в сейме, депутат должен был руководствоваться инструкциями, выданными ему сеймиком. По мнению Руссо, сейму, не обремененному управленческими функциями, не следовало касаться вопросов, не затронутых в инструкциях. Ведь закон есть отражение «воли наций». Это, однако, не означало, что депутат не мог действовать вне рамок инструкций: по проблемам, не предусмотренным инструкциями, он должен был голосовать как «добрый гражданин»⁵⁸. По прошествии двух лет (именно таким, согласно Руссо, должен был быть срок полномочий каждого состава сейма) депутат отчитывался перед сеймиком, члены которого оценивали его работу, опираясь на те же инструкции. В случае ее положительной оценки депутату могли предложить еще раз участвовать в выборах в сейм либо, если он уже трижды избирался депутатом, дать рекомендацию для получения ранга «избранный гражданин». Сам ранг присуждался сеймом⁵⁹. Таким образом, инструкции, с одной стороны, ограничивали свободу рук депутата, а с другой — в связке с системой рангов — побуждали его действовать в соответствии с интересом воеводства. Эта модель позволяла преодолеть зависимость парламентариев от других политических институтов или частных групп, а тем самым — коррупцию.

⁵⁸ Там же: 525.

⁵⁹ Там же: 567.

Итак, предлагаемая Руссо лестница рангов создавала новые способы обретения гражданами, в том числе депутатами, общественного признания в форме наград, статуса и званий. Эти формы признания никак не зависели от политических институтов и частных групп — обрести их было можно лишь благодаря решению жителей воеводств, связанных друг с другом устойчивой общностью интересов (волей воеводства), что позволяло им и их сеймикам определять, кто может представлять их в парламенте, а также оценивать, как соответствующее лицо справилось со своей ролью. Тем самым федерализм и лестница рангов работали как единая система, ставящая непреодолимые преграды на пути коррупции представителей в парламенте.

Заключение

Теперь мы можем вернуться к нашему исходному тезису: федеративное устройство дает ключ к решению проблемы доверия, с которой сталкивается представительная демократия. Согласно Макензи и Уоррену, доверие граждан к представителям возможно при двух условиях — согласованности интересов представителей и «доверителей» и способности первых компетентно действовать в интересах вторых. Однако ровно этих условий и пытался достичь Руссо, когда решал проблему коррупции с опорой на федерализм.

В самом деле, в описанной в «Соображениях об образе правления в Польше» модели государственного устройства жители воеводств посредством длительной двухэтапной процедуры отбирают будущих парламентариев из тех, кто хорошо показал себя на службе в суде, адвокатуре или других учреждениях и, следовательно, может компетентно представлять волю воеводства. При этом, исполняя свои обязанности

в сейме, депутаты руководствуются инструкциями, которые не просто информируют их о воле воеводства, но также — в связке с системой рангов — склоняют их действовать в соответствии с этой волей. Другими словами, в этой модели предусмотрены как механизмы согласования интересов представителей и представляемых, так и механизмы, призванные обеспечить компетентность представителей. Основой этих механизмов оказывается федерализм. Таким образом, можно констатировать, что предложенная Руссо модель, являющаяся одной из первых концептуализаций федерализма, нацелена на установление доверия между представителями и представляемыми.

Библиография

- Руссо Ж.-Ж. (1969) «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» // Руссо Ж.-Ж. *Трактаты*. М.: Наука: 31—108.
- Руссо Ж.-Ж. (1998а) «Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1750 г. по вопросу, предложенному этой же академией: „Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?“» // Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре: Трактаты*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле: 21—51.
- Руссо Ж.-Ж. (1998b) «Об общественном договоре» // Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре: Трактаты*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле: 195—323.
- Руссо Ж.-Ж. (2013) «Соображения об образе правления в Польше и о плане его переустройства, составленном в апреле 1771 г.» // Руссо Ж.-Ж. *Политические сочинения*. СПб.: Росток: 487—589.
- Arendt H. (1990) *On Revolution*. London: Penguin.
- Baker K. (2001) «Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France» // *The Journal of Modern History*, vol. 73, no. 1: 32—53.
- Beaud O. (2007) *Théorie de la Fédération*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Cohen J. (2012) *Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dahl R. (1983) «Federalism and the Democratic Process» // Pennock J.R. and J.W.Chapman, eds. *Nomos XXV: Liberal Democracy*. New York: New York University Press: 95—108.
- Derathé R. (1950) *Jean-Jacques Rousseau et la science politique de son temps*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Douglass R. (2013) «Rousseau’s Critique of Representative Sovereignty: Principled or Pragmatic?» // *American Journal of Political Science*, vol. 57, no. 3: 735—747.
- Edelstein D. (2009) *The Terror of Natural Right: Republicanism, the Cult of Nature, and the French Revolution*. Chicago: The University of Chicago Press.

- Elazar D. (1987) *Exploring Federalism*. London: The University of Alabama Press.
- Forsyth M. (1981) *Unions of States*. Leicester: Leicester University Press.
- Habermas J. (2001) *The Postnational Constellation*. Cambridge: The MIT Press.
- Hobbes T. (1994) *Leviathan*. Cambridge: Hackett Publishing Company.
- Jellinek G. (1882) *Die Lehre von den Staatenverbindungen*. Wien: Alfred Hölder.
- Kelsen H. (1945) *General Theory of Law and the State*. Cambridge: Harvard University Press.
- Kendal W. (1972) «How to Read Rousseau's Government of Poland» // Kendal W., ed. *The Government of Poland*. Indianapolis: Bobbs-Merill: ix—xxxix.
- Mackenzie M. and M. Warren. (2012) «Two Trust-based Uses of Mini-publics in Democratic Systems» // Parkinson B.J. and J. Mansbridge, eds. *Deliberative Systems*. Cambridge: Cambridge University Press: 95—125.
- Neuhouser F. (2011) «Jean-Jacques Rousseau and the Origins of Autonomy» // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, vol. 54, no. 5: 478—493.
- Norman W. (2006) *Negotiating Nationalism: Nation-building, Federalism, and Secession in the Multinational State*. New York: Oxford University Press.
- Pocock J. (1975) *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press.
- Pufendorf S. (1994) «Of the Law of Nature and Nations» // Seidler M., ed. *The Political Writings of Samuel von Pufendorf*. New York: Oxford University Press: 95—269.
- Riker W. (1964) *Federalism: Origins, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company.
- Riley P. (1970) «A Possible Explanation of Rousseau's General Will» // *The American Political Science Review*, vol. 64, no. 1: 86—97.
- Rosenblatt H. (1997) *Rousseau and Geneva: From the First Discourse to the Social Contract, 1749—1762*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rousseau J.-J. (1782) «Considérations sur le Gouvernement de Pologne, et sur sa Réformation Projetée» // Rousseau J.-J. *Collection complète des œuvres. T. 1: Contenant les ouvrages de Politique*. Genève: 415—540.
- Schmitt C. (2003) *The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum*. New York: Telos.
- Strauss L. (1947) «On the Intention of Rousseau» // *Social Research*, vol. 14, no. 4: 455—487.
- Urbinati N. (2012) «Rousseau on the Risks of Representing the Sovereign» // *Politische Vierteljahresschrift*, vol. 53, no. 4: 646—667.
- Viroli M. (1988) *Jean-Jacques Rousseau and the «Well-ordered Society»*. Cambridge: Cambridge University Press.

политика

⁶⁰ The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90101.

A.I.Shablinskii

ON TRUST IN REPRESENTATIVES WHY JEAN-JACQUES ROUSSEAU ACCEPTS POLITICAL REPRESENTATION, OR HOW THE GENERAL WILL GAVE WAY TO FEDERALISM⁶⁰

Anton I. Shablinskii — Ph.D. Student at the School of Philosophy; Research Assistant at the Center for Institutional Studies, National Research University *Higher School of Economics*. Email: ogoshebik@gmail.com.

Abstract. The problem of trust in representatives is one of the most difficult problems faced by representative democracies. It is especially acute when technically and politically complex bills are considered, or a large number of interest groups are in play and/or issues that require specific knowledge are discussed. In such situations, citizens are not particularly inclined to participate in collective decision-making and try to delegate the study of all aspects of an issue to parties, non-profit organizations and other representative agents, but at the same time they have less confidence in these agents, as well as in the legislative bodies.

The article attempts to show that the solution to the problem of trust in representatives should be sought in the field of theories of federalism. In particular, the author refers to the concept of federalism elaborated by Jean-Jacques Rousseau in the “Considerations on the Government of Poland”. His analysis demonstrates that Rousseau, who is considered to be an uncompromising critic of representative democracy, in principle admits the compatibility of popular government with political representation if there is a third element — federalism. According to Rousseau, popular government can exist only in a situation where citizens themselves are the authors of laws that they obey, which is possible under political representation, but only if the authorities of the people’s representatives are given by the orders of the voters and the people’s representatives are willing to follow these orders. Federalism provides both. According to the author, the model of the federal structure described in the “Considerations on the Government in Poland” provides mechanisms to ensure reconciliation of the interests of representatives and represented, as well as the competence of representatives, and creates conditions for establishing trust between representatives and represented.

Keywords: political representation, federalism, federal state, trust, democracy, Poland, Jean-Jacques Rousseau

References

- Arendt H. (1990) *On Revolution*. London: Penguin.
- Baker K. (2001) “Transformations of Classical Republicanism in Eighteenth-Century France” // *The Journal of Modern History*, vol. 73, no. 1: 32–53.
- Beaud O. (2007) *Théorie de la Fédération*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Cohen J. (2012) *Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dahl R. (1983) “Federalism and the Democratic Process” // Pennock J.R. and J.W.Chapman, eds. *Nomos XXV: Liberal Democracy*. New York: New York University Press: 95–108.
- Derathé R. (1950) *Jean-Jacques Rousseau et la science politique de son temps*. Paris: Presses Universitaires de France.
- Douglass R. (2013) “Rousseau’s Critique of Representative Sovereignty: Principled or Pragmatic?” // *American Journal of Political Science*, vol. 57, no. 3: 735–747.
- Edelstein D. (2009) *The Terror of Natural Right: Republicanism, the Cult of Nature, and the French Revolution*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Elazar D. (1987) *Exploring Federalism*. London: The University of Alabama Press.
- Forsyth M. (1981) *Unions of States*. Leicester: Leicester University Press.
- Habermas J. (2001) *The Postnational Constellation*. Cambridge: The MIT Press.
- Hobbes T. (1994) *Leviathan*. Cambridge: Hackett Publishing Company.
- Jellinek G. (1882) *Die Lehre von den Staatenverbindungen*. Wien: Alfred Hölder.
- Kelsen H. (1945) *General Theory of Law and the State*. Cambridge: Harvard University Press.
- Kendal W. (1972) “How to Read Rousseau’s Government of Poland” // Kendal W., ed. *The Government of Poland*. Indianapolis: Bobbs-Merill: ix–xxxix.
- Mackenzie M. and M.Warren. (2012) “Two Trust-based Uses of Mini-publics in Democratic Systems” // Parkinson B.J. and J.Mansbridge, eds. *Deliberative Systems*. Cambridge: Cambridge University Press: 95–125.
- Neuhausser F. (2011) “Jean-Jacques Rousseau and the Origins of Autonomy” // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*, vol. 54, no. 5: 478–493.
- Norman W. (2006) *Negotiating Nationalism: Nation-building, Federalism, and Secession in the Multinational State*. New York: Oxford University Press.
- Pocock J. (1975) *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press.

Pufendorf S. (1994) "Of the Law of Nature and Nations" // Seidler M., ed. *The Political Writings of Samuel von Pufendorf*. New York: Oxford University Press: 95—269.

Riker W. (1964) *Federalism: Origins, Operation, Significance*. Boston: Little, Brown and Company.

Riley P. (1970) "A Possible Explanation of Rousseau's General Will" // *The American Political Science Review*, vol. 64, no. 1: 86—97.

Rosenblatt H. (1997) *Rousseau and Geneva: From the First Discourse to the Social Contract, 1749—1762*. Cambridge: Cambridge University Press.

Rousseau J.-J. (1782) "Considérations sur le Gouvernement de Pologne, et sur sa Réformation Projetée" // Rousseau J.-J. *Collection complète des œuvres. T. 1 : Contenant les ouvrages de Politique*. Genève: 415—540.

Rousseau J.-J. (1969) "Rassuzhdenie o proiskhozhdenii i osnovaniyakh neravenstva mezhdud' mi" [Le Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes] // Rousseau J.-J. *Traktaty* [Treatises]. Moscow: Nauka: 31—108. (In Russ.)

Rousseau J.-J. (1998a) "Rassuzhdenie, poluchivshee premiju Dizhonskoj akademii v 1750 g. po voprosu, predlozhenomu etoj zhe akademiej: „Sposobstvovalo li vozrozhdenie nauk i iskusstv ochishcheniju nravov?“" [Discours qui a remporté le prix à L'Académie de Dijon, en l'année 1750. Sur cette question proposée par la même Académie: Si le rétablissement des Sciences et des Arts a contribué à épurer les mœurs] // Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [On the Social Contract: Treaties]. Moscow: Kanon-Press-TS; Kuchkovo pole: 21—51. (In Russ.)

Rousseau J.-J. (1998b) "Ob obshchestvennom dogovore" [Du contract social] // Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore: Traktaty* [On the Social Contract: Treaties]. Moscow: Kanon-Press-TS; Kuchkovo pole: 195—323. (In Russ.)

Rousseau J.-J. (2013) "Soobrazhenija ob obraze pravlenija v Pol'she i o plane ego pereustrojstva, sostavlennom v aprele 1771 g." [Considérations sur le gouvernement de Pologne et sur sa reformation projetée] // Rousseau J.-J. *Politicheskie sochinenija* [Political Writings]. St Petersburg: Rostok: 487—589. (In Russ.)

Schmitt C. (2003) *The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum*. New York: Telos.

Strauss L. (1947) "On the Intention of Rousseau" // *Social Research*, vol. 14, no. 4: 455—487.

Urbinati N. (2012) "Rousseau on the Risks of Representing the Sovereign" // *Politische Vierteljahresschrift*, vol. 53, no. 4: 646—667.

Viroli M. (1988) *Jean-Jacques Rousseau and the "Well-ordered Society"*. Cambridge: Cambridge University Press.